

НИКИТА ЧЕРНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОБЛЕДЕНЕНИЕ

18+

Никита Чернов

Обледенение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64784161

SelfPub; 2021

Аннотация

Порой человеку приходится сталкиваться с горечью утраты – это естественно, но всегда так мучительно, что жизнь буквально переворачивается с ног на голову в попытке справиться с болью. Герой этого рассказа тоже пытается справиться с болью... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Никита Чернов

Обледенение

Лил серый дождь, будто с неба сыпали грязную ржавую арматуру, но мерзко было не от этого, а от того, что невозможно было спрятаться. Солнечный диск ещё даже не появился, а чёрный туман, медленно убивающий лёгкие и весь организм, заполнял каждый клочок забитой ливнем почвы. Поток воды был столь силён, что ветер даже не решался выбраться из своей недоступной взору простого смертного берлоги. Сибирская осень, как она есть: безумна, непредсказуема – сама неотвратимость.

Однако Дмитрий Петрович был здесь. Он сидел меж кустов, ветки которых плотно прижимали к телу холодную резину старого, огромного, военного дождевика, отчётливо ощущаемую сквозь тонкую ветхость рубахи. Время лениво передвигало свои коротенькие ножки, как мерзкая жёлтенькая сколопендра, тянулось, как вонючая болотная тина. Чёрные, грязные руки промёрзли до костей, едва чувствовались, будто от них совсем ничего не осталось, жутко затекли в своей хватке за топорщице. Даже его сильная кисть, будто снятая с чугунного памятника, выученная в суровейших условиях токарной мастерской, с радостью сейчас променяла бы двухкилограммовый колун на что-то более мягкое, что-то более нежное...

«Нет, нет. Это последний на сегодня, хотя бы поэтому нужно дожждаться.»

Слишком редко он выбирается на дело, чтобы пренебрегать такой великолепной возможностью: сразу две, а может три цели! Пусть этот паскудный дождь себе гроыхает. Если сейчас сбежит из засады всего лишь из-за обмороженных культей и влажноватых ботинок – он ничего не стоит, как и его старания!

Он втянулся ещё глубже в плащ, натянув до самого носа капюшон.

«Вот и они! Давайте, быстрее!»

Парочка чёрных зонтов (такowymi они были под слоем мглы и нескончаемого потока воды) выплыла из низкой дворовой ограды. Фигуры жутко размыты – лишь силуэты, в руках явно прямоугольники чемоданов. Заглушённый сигнал пульта, явно лишний среди чужой симфонии – открылся багажник универсала, блестящего новизной сквозь дождь. Тучный мужской силуэт не без усилия погрузил чемоданы.

Воющее нетерпение Дмитрия Петровича было готово выпрыгнуть из тела и сожрать этих двоих с потрохами, но его он удерживал, как и лукавое желание выйти раньше времени да покрошить их в... Ни во что. Он никогда не убивал, и никогда не убьёт. Он не убийца, он – последователь пути, освободитель, воин в тени. И он останется в кустах, пока они не скроются за горизонтом.

Если хорошенько призадуматься, то дождь даже играл на

руку – в такой мгле и собственного стручка не увидишь, не то что какого-то увальня цвета хаки в кустах.

«Господь Иисус...»

Женский силуэт недовольно задёргал руками и направился обратно во двор.

Что-то забыла.

Лиля ничего не забывала. Всё помнили её милые голубые глаза-озёра, глубже небесной бесконечности. Всё знали её аккуратные руки. Ни время, ни груз жизненных тяжб не исказили её доброго сердца. Не исказили...

Давно он уже не брал и капли в рот, думал прошла эта тоска, ан нет, потому то и пил, чтобы вообще ничего не осознать.

Нашла! Дверь захлопнулась. Дверь бахнула. Резина тревожно зашуршала на соплях, которые здесь смели называть дорогой.

«Наконец-то!»

Из глубин вышел томный вздох. Он поиграл уставшими и затёкшими плечами, пытаясь их размять. Хорошая выдалась ночка. Если управится до рассвета – он будет счастлив как никогда.

Машина скрылась за поворотом через несколько дворов.

Он огляделся. Дождь затихал и теперь это был не грязный поток стройматериалов, а лишь жидкие брызги освежающих пушинок. Признаков жизни не было – мир всё ещё отдыхал, и даже обычно шумливая домашняя животины не подавала

звучков.

– Поехали, как говорится, – прошептал себе под нос Дмитрий Петрович.

«Все мы скоро отдохнём. Скоро весь мир сможет вздохнуть, не выпустив облако пара».

Он уже не помнил, когда встал на этот тяжкий путь, когда вскинул на свои широки плечи неподъёмный груз, подобно Атланту. Знал лишь, что именно здесь он смог найти успокоения для своей грязной души после смерти Лили. Должно признаться, он не сам вышел на эту дорогу – Игорь, самый близкий друг, который был с ним всегда после её гибели. Ему теперь он должен по гроб жизни.

Старая метровая деревянная ограда из штакетника цвета серой плесени (и такой же на ощупь, особенно после дождя), не оказалась серьёзным препятствием, и Дмитрий Петрович юркнул через неё, ловко перекинув своё немолодое тело. Приземлился он уже на обе ноги, сжавшись в комок, не спеша с действиями – теперь он был на фронте и прежние разведанные из кустов устарели.

Дворик был самым обычным: бессмертные заросли у ограды, редкие куски изросшегося газона, галька то тут, то там, дорожка из кирпичей, пара облезших лежаков близ крыльца, и он не ошибётся, предположив, что за домом – посадки огурцов в навозной теплице и десяток палок с томатами. Дом также не был чем-то незаурядным: белая панельная постройка с облицовкой, видимо, из той же гальки, что и на

земле, и всё это счастье прикрыто красной металлочерепицей, бывшей здесь как мерседес перед крыльцом опустошённой муниципальной поликлиники. Обычная летняя дача. В этом году они ничего не узнают, да и в следующем – не скоро.

Последний дом уже сам по себе был хорош. Бояться было нечего. Действительно, а чего бояться, если ты уже обстрепал дюжину домов?

Вольной походкой он прошёлся до крыльца, взобрался по ступенькам, покрытым лепестками облезшей оранжевой краски, к двери. Вырвал импровизированную петлю для навесного замка из здорового гвоздя пяткой лезвия, отворил тяжёлую цельнодеревянную дверь. В лицо ударил ещё тёплый домашний воздух – уютный поток. От неожиданности Дмитрий Петрович выпустил тяжёлый, болезненный вздох из прокуренных лёгких. Вновь невыносимые образы и мучительные воспоминания – фантомные боли. Вновь её лицо: вот Лиля в бездонной дыре, а потом вдруг – лишь деревянная крышка-разлучница, и сердце рвётся на части.

Его лицо покраснело, а сердце и вправду сдавило, в глазах забелели хлопья нереального снега, отчего пальцы мучительно стянули кожу на груди, его тело с грохотом свалилось на пол, а топор оставил выбоину в деревянном полу крыльца.

Минуту или две, он лежал вроде полупустого мешка с картошкой, но вот дышать стало легче и, хотя легкие всё ещё работали навзрыд, взор прояснился.

«Пора заканчивать и валить отсюда...»

Возможно, он просто устал от долгой тяжёлой работы. И действительно ладони и пальцы, как бы в подтверждение данного умозаключения, начали зудеть, вроде вампиров на свет или святую воду.

«И, видимо, пришло время бросать курить...» – думал Дмитрий Петрович, потихоньку поднимаясь по стене, так же, как и упал – вытягиваясь по ней вверх. Он явно был болен, но тем ли...

Вздыхнул. Шаг, второй, и в нескончаемом вихре падений двинулся вглубь дома.

И здесь не было ничего необычного. Самый привычный пол из широких досок, десятки раз крашенных, видимо, той же самой краской, что была и на крыльце, покрытый самым традиционным ковром под турецкий стиль, на котором стоял, чтобы не двигался, самый обычный красный (уже розовый) диван с мерзкими деревянными подлокотниками то ли из ДСП, то ли из ДВП, стены были уделаны белыми в жёлтый горошек обоями, но венцом всего была здоровенная, нет – титаническая безрамочная плазма. Она стояла напротив дивана и сразу было понятно, что именно составляло здешний досуг. Лишь странно было Дмитрию Петровичу, как он не заметил сразу такую бандурину. Ещё с минуту, уже вплотную, он стоял и тупо глядел в пиксельную гладь, поражающую своим размахом. А потом плюнул и пошёл искать кухню. Чего он, плазм что ли не видел?

Кухня была тут же, за дверным проёмом, направо из го-

стиной. Намётанный глаз сразу обнаружил, что искал, перешагнув взглядом небольшой столик на троих, застеленный зелёной в белый горошек резиновой скатертью, типовой белый кухонный гарнитур, расположившийся тут же слева от входа на кухню, даже не обратил внимания на абсолютно лишние здесь белые обои и ныне серую напольную плитку – ничего он не замечал.

Дмитрий Петрович обхватил топорище двумя руками, закинул колун за плечо для размаха, и в два широких прыжка, будто готовился перепрыгнуть через планку на высоте шести метров, оказался перед ним, врубив со всей безумной мощью колун в плоть металлического исполина, извлекая страшный скрежет, подобный тому, что трогательно извлекается из невидимых струн стеклянной тарелки вилкой.

– Сдохни, тварь! Умри! Проклятие рода людского! – орал Дмитрий Петрович на холодильник.

Он ударил второй раз, вновь оставив в алюминии каплеобразную рану, да так, что дверь выгнулась и раскрылась.

– Да я тебя изрублю в клочья! порождение! одержимого! ума! – слюна летела во все стороны, а слова будто гавканье здорового разъярённого питбуля.

– Именем Ордена Стулти¹! – Дмитрий Петрович достал из нагрудного кармана рубахи небольшой блестящий крестик на серебряной цепочке редкого плетения, взялся за цепочку, – Я нарекаю тебя именем Иисуса, Бога моего, тварью ад-

¹ Латынь.

ской, проклиная на вечные страдания за скверну твою!

Дмитрий Петрович перекрестил холодильник, встал сбоку, взялся за задний угол и уронил двухметровую глыбу. Холодильник упал с такой силой, что от грохота у него на мгновение заложило уши, а пара навесных шкафов упала в раковину и на стеклянную плиту, разбив последнюю, а доселе незамеченные часы с кукушкой также покинули свой пост и разразились криком. Кухня представляла собой жалкое зрелище: разбитая в клочья стеклянная утварь, ещё катающаяся рюмка с принтом осла и надписью «а не послать ли нам гонца», случайно оставленное молоко, теперь вытекающее из искорёженного холодильника, без умолку кричащая кукушка.

Однако дело ещё не было кончено – враг повержен, но не убит. Он вновь взялся за колун и в три удара, извлекая алюминиевую стружку и искры, вырубил компрессор с задней стенки холодильника, поднял к глазам, будто настоящее сердце зловредного дракона. Блаженный миг наполнился возбуждением: он ещё чувствовал тепло стального сердца, ещё чувствовал, как то, буквально миг назад, пульсировало, гоняя неведомую маслянистую жижу по венам металлического исполина, которая бежала теперь по его кисти и капала с локтя. И молвил он телу холодильника:

– Не ты виновен в судьбе своей, а твой создатель – Люцифер.

Правосудие свершено, он больше не един со Вселен-

ной и Иисусом, значит он хочет закурить. Он достал из внутреннего кармана дождевика красно-золотую пачку дорожных импортных сигарет с чёрной узорчатой надписью: «RedCort» (ниже черным на белом прямоугольнике: «smoking kills»), и медленно, ритуально позволил себе украсть одну из коричневых палочек улады и горести. Нежно вложил чёрный фильтр в губы, дал огня простой пластиковой чиркалкой и затянулся: дым растёкся по лёгким всё тем же пьянящим дьявольским смрадом. Сегодня он мог себе позволить.

Прежде чем уйти, с сигаретой в зубах, он полностью осмотрел дом. Он ошибся, цель была лишь одна. Но это и не было важно. Он освободил не меньше десятка семей от всадников хладной смерти – для этого служил Орден Стулти и его последователи. Да и не к чему было рисковать – лучше уверенный и постоянный ход вперёд, пусть и медленный, чем неустойчивый бег без взгляда под ноги, – так считал Орден. К тому же их было немного, даже в лучшие годы.

Орден собирался лишь раз, в последнее воскресенье каждого месяца, в ржавом гараже-коробке лидера, чтобы отчитаться о своих подвигах во имя Спасения, принять новых членов в свои ряды, чаще – лишь для принятия экстренных решений.

Сегодня Дмитрий Петрович был без плаща, свежевыбрит, в чистой, пусть и заношенной, шерстяной рубашке, неза-

правленной в сияющие голубизной джинсы. Примерно так же был одет и весь Орден – никаких чёрно-красных саванов, а единственное, что выделяло лидера среди них – здоровенный серебряный перстень с золотым руническим солнцем, который передавался каждому новому предводителю.

Сегодня были не все, лишь человек пять окружали старые белые жигули ещё советских времён, лишь пять человек подняли в приветственном жесте сложенные руки к губам, будто хотели погреть их жгучим дыханием, и лишь пять человек в таинственном благоговении сомкнули глаза.

– Ну, что ж... С формальностями закончим, так сказать, – часто чамкая, сказал Иннокентий Арленович с профессорской лысиной на макушке и задорными кудряшками по бокам, разглядывая через впечатляющие окуляры немногочисленных собравшихся, – Не стесняйтесь, так сказать, наливайте чай, грейтесь.

Профессор, чем-то смущённый, сам же начал разливать кипяток по ёмкостям.

Люди понемногу собрались у стола с горячим в конце тесного гаража, разбирая алюминиевые кружки с настолько крепким чаем, что уже ставшим кислым. Но никто не возникал, не жаловался: сентябрь вышел холодным, и в гараже этим утром было так промозгло, что только дурак отказался бы погреть руки.

Тихо шкворча напитком, все по очереди доложили о своих успехах, но больше всех, конечно, выделился Дмитрий

Петрович, под топором которого за одни выходные лёг добрый десяток Охладителей, а профессор даже пожал ему руку, растолкав всех локтями, выражая всеобщую благодарность.

Пять членов ордена допили чай и стали уже расходиться, стараясь скорее покинуть место, где они неловко чувствовали себя. Игорь, которого, как всегда, не было на основной части их коротких собраний, пришёл лишь в конце.

Худая рука с полупрозрачной рыжей порослью и брызгами пигментных пятен успела всех застать на выходе, а после обнять крепкую ручищу Дмитрия Петровича и Кеши, как его называл Игорь, которые всегда оставались после собраний, думая, что смогут поговорить о будущих планах Ордена, но Игорь всегда опаздывал и занимал их больше, чем какое-то там будущее.

– Ну, как оно? – спрашивал Игорь, наливая себе чай и тут же принимаясь за его распитие, как обычно обжигаясь.

– Замечательно, так сказать... – отвечал Иннокентий Арленович, поняв, что речь о собрании, смотря в пол и засунув кисти в карманы джинсов.

Игорь многозначительно кивал в ответ.

– Да, наверное. А ты почему опять опоздал, Игорь?

– Я, Димочка, не опаздываю, – нагло отвечало худосочное лицо, облитое рыжими конопушками и прикрытое копной нестриженных волос, – Я веду дозор! О чём, мы, кстати, с тобой позже и поговорим.

Игорь, хлопнул Дмитрия Петровича по плечу, и обратился к собирающему свой дипломат Профессору:

– Кеша, ты уже уходишь?

– Да, Игорь, мне пора, так сказать, – ответил тот, вжавшись внутрь рубашки.

Игорь пожал плечами, скорчил гримасу непонимания:

– Ну, всего хорошего!..

Иннокентий Арленович медленно, шоркая подошвами, отправился прочь из гаража.

– Поэтому я, Дима, и опаздываю. Каждое собрание – сбор малолеток с потными ладошками перед бутылкой отцовской водки! Они никчёмны, и не сдвинут дело целых поколений с места!

Брови Дмитрия Петровича сдвинулись, а всё грузное тело приняло серьёзный вид.

– Не будь так категоричен, тем более, ты сам меня сюда привёл, но сам же после и оставил меня.

– Нет-нет, Дима! Я не оставлял тебя! Просто, я стал выше ордена! – сказал Игорь, добавив указательным пальцем, как бы показывающим высоту его статуса.

Дмитрий Петрович смотрел на Игоря уже с лёгкой недоверчивой улыбкой, без тени прошлой серьёзности.

– И да, дозор, Димочка. У меня есть к тебе предложенье.

– Какое опять? – Дмитрий Петрович смотрел на него уже с тем взглядом, который вручают блаженным, – После про-

шлого раза, с попыткой своровать у мороженщиков их уличные холодильники, мы еле унесли ноги, а один так вообще, кажется, даже без маски меня узнаёт каждый раз, как я прохожу по площади Ленина.

– Не-е! – мотал головой Игорь, не замечая сомнение и скепсис, сквозящие из всего тела его друга, – Во-первых, теперь мы всё продумаем; во-вторых, теперь это целый завод мороженого! Представь сколько там производится холода!

Глаза Дмитрия Петровича округлились, а брови трансформировались в одну сплошную дугу.

– Ты и без меня прекрасно понимаешь, что все эти исследования, – на слово «исследования» он специально надавил, – о глобальном потеплении – одна сплошная пурга, которой могут верить лишь такие, как моя тёща, долгих ей лет жизнь, горгулья старая. Так почему бы нам не начать действовать по-крупному?!

Игорь прервался, пошарил по карманам, но сигарет, у него, как всегда, не оказалось, чему не удивился Дмитрий Петрович, поэтому сразу достал свои и протянул пачку с вытянутой сигаретой.

– Спасибо... Вот смотри, вы сейчас режете головы Гидры? Пральна? – спрашивал Игорь, проглатывая часть слова, – Пральна! Они постоянно отрастают, и мы тратим всю нашу жизнь попусту, не получая результата! А мир всё ближе к Тартару! Так давай бить в сердце, чтобы уложить тварь наверняка?!

Разгорячённый своей пламенной речью и хорошим куревом, Игорь смотрел с задором на друга.

Путь Ордена Стулти стал спасением для Дмитрия Петровича, именно поэтому он больше всех отдавался ему. В этих стальных чешуйках и маслянистой крови он топил себя: безмерный и всепоглощающий гнев, тоску и горечь. А теперь Игорь предлагал ему ступить выше, ещё дальше от могилы... Да разве он мог отказаться?

Игорь понял настрой друга, понял, что поймал его. Его улыбка из старых жёлтых зубов засияла из-под шевелюры.

Они встретились во тьме полуночи, как и договаривались, под взором звёзд и часто мигающего в космической глубине спутника, в зарослях кустарника под старым грязным, изринованным граффити бетонным забором с выпуклыми пирамидальными прямоугольничками.

Дмитрий Петрович крутил в здоровенных руках свой потасканный колун, успокаивающий его нервы, чувствовал прохладу резинового плаща, который он одевал на дело каждый раз, независимо от погоды. Изредка до него долетало проспиртованное дыхание Игоря, сидящего на пластиковых канистрах с горючим, почти у самого его лица.

О чём думало это рыжее лицо? О чём медленно опускались его веки? Дмитрий Петрович смотрел на своего друга, бывшего ему спасителем. Однако, в последнее время, он часто видел в нём больше, наверное, того, кем он являлся и яв-

ляется на самом деле: никчёмный пропойца, мародёр и лицемер – это были редкие мысли, легко изгоняемые из разума встречей с обворожительным рыжим оскалом зубов, изгоняемые ловкими движениями худых, но цепких рук.

– Толик точно придёт? – спросил Дмитрий Петрович, смотря прямо в глаза Игоря, слегка прикрытые капюшоном плаща.

– Зуб даю! – ответил Игорь, наигранно проведя по зубам большим пальцем, – Ты бы слышал, как он сопереживал нашему делу, когда согрелся старой доброй «Берёзкой»! – от слов двигалось всё его лицо; немолодой взгляд Игоря горел от возбуждения, будто за его личиной спрятался настоящий Дьявол.

Ждали они не долго, однако Анатолий, в любом случае, уже серьёзно опаздывал.

Откуда-то из-за забора раздался сиплый, как у волка из мультфильма², голос:

– Мужики?

– Пароль! – прошипел Игорь, подойдя к забору.

– Какой пароль?..

– Договаривались же... Ладно, старый шизофреник. Лови канистры!

Игорь, не дожидаясь ответа из-за стены, указал Дмитрию Петровичу на канистры, а тот тут же перебросил их, как мя-

² В данном случае идёт речь о мультфильме «Жил-был пёс» от студии «Союзмультфильм».

чики в волейболе.

Одна из канистр явно не была поймана:

– А-а.

– Ладно, мы идём. Всё чисто, Толя?

Ответа не последовало.

– Толя?! Мать твою...

– Чисто-чисто...

Дмитрий Петрович подсадил низкорослого Игоря, а тот ловко перевалился через забор, не успел Дмитрий Петрович перелезть вслед, как оттуда раздался смех Игоря.

Дмитрий Петрович перелез: Анатолий, лысый мужчина с лишним весом и подбородком, растёкшимся сейчас по горлу, в стандартной робе охранника, лежал с распростёртыми руками, одна из канистр была в руке, вторая лежала в паре метров от головы. Дмитрий Петрович подошёл к человеку и протянул руку:

– Прошу прощения, не рассчитал...

Анатолий поднялся, приняв руку, но в стойке его не было и грамма уверенности. Игорь, всё ещё ухмыляясь, недовольно покачал головой и ободряюще хлопнул Анатолия по плечу.

– На заводе, кроме охраны, больше никого? – спросил Дмитрий Петрович.

– Нет, вроде, нет.

– Хорошо. Игорь, как и договаривались – поджигаем и бежим отсюда. – Дмитрий Петрович смотрел на Игоря, ожидая

какого-то подтверждения в его теле, ведь сказать он мог что угодно.

– Да, Дима!..

Но слов Дмитрию Петровичу во мраке ночи хватило, и вместе со своим проводником они двинулись ко входу внутрь серого трёхэтажного здания, обходя одиночные патрули охраны.

Они быстро оказались на пропускном пункте, Дмитрию Петровичу было странно и тревожно, чего не скажешь об Игоре, а Анатолий давал последние инструкции:

– Когда здесь полыхнёт, мужики вам не помешают. Нам хорошо башляют, но не столько, чтоб гореть заживо, – Анатолий пытался ещё что-то вспомнить, поигрывая зататуированными пальцами (что Дмитрий Петрович заметил только под светом заводских ламп), показывая всей своей жирной физиономией насколько мучительна доля мыслительной деятельности для его тонкой личности, – И да! – Анатолий наклонился к членам Ордена, будто бы пытаясь скрыться от чужих глаз, – Валите через задний проход, когда закончите. – и улыбнулся золотым оскалом коронок.

Они почти достигли поворота в один из производственных цехов, когда Анатолий, подняв руку, будто готовился скандировать «Но пасаран!», прокричал на весь коридор:

– Не дадим миру замерзнуть!

Дмитрия Петровича обдало холодным потом, веко нервно дёрнулось, Игорь же развернулся на месте и крикнул в ответ:

– Не дадим!

– Тише, мать вашу!.. – шипел Дмитрий Петрович.

Вместе с Анатолием из завода исчез и свет, потому далее они пошли в сопровождении фонарей. Внутри не было никого, лишь какой-то механический гул, как думал Дмитрий Петрович – холодильники и другая аппаратура, поддерживающая жизнь в этом огромной организме. Именно за ними он и пришёл. Однако перспектива работы руками становилась всё более явной, ведь кто бы подумал, что на заводе по производству мороженого – нечему будет гореть, лишь старым оконным рамам, да редкой деревянной мебели в кабинетах администрации. У них было двадцать литров бестолкового бензина и трёхэтажное здание из бетона и стали.

Дмитрий Петрович чувствовал себя опустошённым, вдруг захотелось выпить, причём так, чтобы в хлам, в дрова! Он вновь встретился с чем-то, что ему не по силам. Наверное, поэтому Орден не трогал ничего, кроме холодильников отвлечённых хозяев. Однако Игорь был великолепен: чуть ли не в припрыжку с обеими канистрами бензина летел по кабинетам и цехам в поисках чего-то горючего.

– Игорь! Стой!.. – стараясь как можно тише, обращался Дмитрий Петрович, – Давай разделимся, так быстрее закончим. Встречаемся у запасного выхода.

Игорь был не против и каждый взял по канистре; Дмитрий Петрович выбрал два верхних этажа, а Игорь первый и складские помещения на нулевом.

Без Игоря Дмитрию Петровичу даже стало как-то спокойнее, хотя, конечно, он боялся за него, но всё же, когда он на деле, предпочитал тишину, равномерное, расчётливое, почти осязаемое течение мысли, нежели возбуждение и безалаберность Игоря.

Дело Ордена Стулти стало для Дмитрия Петровича исповедью и причащением, его таинством.

Он был вроде Осириса, только его царством было не Загробное, а Бездна, над которой он висел. И с каждым закатом к нему приходил такой же Дмитрий Петрович, как и он сам, и каждый раз присаживался за его гранитный стол, поставленный на крохотный остров над жужжащей бездной, на котором посередине лежал его огромный старый колун с выщербинами и царапинами. И каждый раз он задавал Дмитрию Петровичу вопрос: «Что тебе нужно?» Вариантов ответа было столько же, сколько раз садился за стол Дмитрий Петрович. Иногда подсудимый с глупой улыбкой отвечал: «жизнь», «справедливость», «вторая попытка», «власть над всем миром», «счастье», «спокойная жизнь и такая же старость», – тогда Дмитрий Петрович, судья, вставал со своего такого же гранитного, холодного, как могила, трона, брал свой колун и, подняв над собой, с жутким спокойствием впечатывал его в черепушку Дмитрия Петровича, подсудимого. Тело падало, а судья медленно обходил стол и продолжал свою работу, разнося тело в металлическую стружку и щепку, крашеную белым, разбрызгивая маслянистую синюю жи-

жу. После сбрасывал тело во всепожирающую бездну со словами: «Ложь». А иногда подсудимый подолгу думал, практически до рассвета, а после вставал и уходил – не сыскав ответа; судья же отпускал его, находя в этом больше правды. Однако ещё ни разу судья не перевёл подсудимого на другую сторону.

Дмитрий Петрович разливал бензин то тут, то там, на каждом предмете, что хоть как-то мог загореться, и сопровождал всё тихими, как шелест листьев в ночи, словами молитвы:

– Они не покаются и не обратятся к Господу Богу своему, вот, я предам их в руки их врагов; да и будут ввергнуты в рабство; и рукой их врагов они будут подвергнуты страданию, – его серебристый крест, висящий на шее, играл редкими искрами от лунного света; слова, несмотря на шёпот, звучали возвышенно, торжественно и заставляли трепетать его собственное тело, вибрирующее от страха перед неопознанным, – И будет так, что они познают, что Я – Господь Бог их, и Я – Бог ревнитель, наказывающий народ Мой за беззаконие!³

Дмитрий Петрович закончил, равномерно наполнив все два этажа бензином и его благоверными парами. Даже если им не удастся полностью остановить производство, то они изрядно попортят жизнь владельцам этой богадельни, а значит и смогут внести хоть сколько-нибудь более весомый вклад, чем тот, который делал весь Орден Стулти до этого.

³ Книга Мормона. Мосия 11:21,22.

Одним ударом колуна он раскрошил старенький табурет, а одну из ножек с края облил последними каплями горючего, соорудив таким образом импровизированный факел и, как один добряк, желающий подорвать стену, побежал сквозь коридоры и цеха, поджигая всё на своём пути.

Спустившись, вниз он не обнаружил Игоря, но было видно, что тот не терял времени: мебель была завалена смоченной бензином бумагой, кое-где были сложены в поленницу стулья и табуреты, Игорь даже не забыл облить оконные рамы, но его самого здесь не было. Дмитрий Петрович не стал ждать, ведь уже через считанные минуты вечеринка на верхних этажах будет видна не только охране, и поджог факелом всё, что можно было.

С первого этажа он отправился на нулевой, лишь там теперь мог быть Игорь.

Он вернулся к пропускному пункту, и сразу же чуть не был обнаружен: охрана всё-таки пыталась что-то сделать. В холодном свете люминесцентных ламп, раздражающих вечным электрическим писком, бегали туда-сюда почти однообразные фигуры в чёрном, с жёлтыми надписями на спине «охрана», один из них как раз едва не обнаружил Дмитрия Петровича, пробегая к кнопке пожарной тревоги, когда тот открывал дверь из цеха в коридор. Но Дмитрию Петровичу жутко повезло, охранник вообще никак не заметил половину лица, появившуюся на мгновение в щели между дверью и проёмом.

Всё в теле Дмитрия Петровича сжалось в комочек, как черепаха в своём панцире, и он медленно отошёл за дверь, не став её закрывать.

– Жми, Вася! – кричал один из охранников.

К лёгкому запаху гари добавилась буквально давящая на тело пожарная сирена.

– Выметайся, мужики, ща пожарники приедут!

И охранники не заставили себя ждать, покинув коридор пропускного пункта. Что-то позади Дмитрия Петровича лопнуло, как алюминиевая банка газировки, и обдало его спину жаром. Уже не боясь обнаружения, он побежал по коридору к складам, громко стуча гигантскими ботинками сорок пятого размера.

На нулевой этаж он спустился грузовым лифтом, где после раскрытия дверей ему предстало громадное помещение, вроде подземной парковки, с прямым доступом для разных грузовиков, вся площадь была уставлена стеллажами с коробками, а температура здесь была явно градусов на двадцать ниже, чем на поверхности.

Но Дмитрий Петрович понял, что он здесь не один, пусть и не сразу из-за серены: эхом по всему помещению разносились спутанные резкие голоса. Поиск Игоря усложнялся.

Пригнувшись и прижавшись к стеллажам, Дмитрий Петрович, пошёл меж рядов, тихо поскрипывая подошвой и вцепившись мёртвой хваткой в колун. Голоса становились громче и громче, чем сильнее он углублялся.

Дмитрий Петрович завернул со сплошного коридора в небольшой закуток – тупик, как в лабиринте, где сидел на корточках, будто замёрзший, в своём дурацком зелёном полиэтиленовом дождевике Игорь и смотрел куда-то через щель меж коробок.

– Игорь, – шёпотом обратился Дмитрий Петрович, – Игорь, что ты тут делаешь?..

Голова Игоря дёрнулась назад, к напарнику, и лишь прошипела, чтобы тот был потише.

– Что тут у тебя? – спросил Дмитрий Петрович, присев к Игорю.

Игорь же лишь отодвинулся от щели, явно приглашая друга всё лицезреть самостоятельно.

По ту сторону коробок стояли десятки приоткрытых мешков, а один из них лежал на боку, распустив зелёные травянистые внутренности, между ними носились какие-то ху-досочные парни в олимпийках и кроссовках, разглядывая и проверяя содержимое, не задерживаясь более нескольких секунд у одного. Однако среди этого хаоса отчётливо и властно звучало несколько голосов:

– Господин Барам, мои парни развезут стафф! Не волнуйтесь! – говорил спортивный, как и те, что бегали меж мешков, лысый парень с дымящей плотным паром электронной сигаретой, которая то и дело летала вместе с руками своего хозяина в бесчисленных бессильных жестах.

– Я-то не волнуюсь, Гриша, просто какой-то идиот, –

с ударением на последнее слово, отвечал Григорию плотный, добротнo округлый мужчина с грузинским акцентом, в джинсах, в шелковистой фиолетовой рубашке и туфлях, с острым носом, – Дул наверху в эти свои вейпы, а мне теперь разбираться с пожарниками! Собирайте всю шваль и валите с моей фабрики!

Господин Барам был здесь королём, и каждый его жест будто подхлестывал рабочих и самого Григория.

Дмитрий Петрович оторвался от щели и взглянул на лицо Игоря, выражающее потерянность, отрешённость:

– Мафиози!.. – вдруг проговорил Игорь с трепетом.

Дмитрий Петрович абсолютно не обратил внимания на Игоря.

– Уходим, Игорь, – прошептал он; потянул друга за дождевик на плече.

Мафиози грузили мешки с наркотиком, а господин Барам тоже направлялся к лифту.

– Ты всё здесь залил? – спрашивал Дмитрий Петрович, – Игорь!

Но Игорь не отвечал: о чём-то думал. Внутри этого рыжего худого тела бурлили какие-то эмоции, возбуждение, а главное – мысли!

– Не тем... мы занимаемся... – прошептал едва слышно Игорь.

Дмитрий Петрович остановился. Их окружали звуки серены, недалеко орали мафиозные рабочие и сам Григорий на

них, но эти слова он услышал.

– Чего?! – спросил Дмитрий Петрович, крича сквозь всю какофонию безумных риффов.

– Не тем мы занимаемся!

В голове же у Дмитрия Петровича начинало копошиться, будто зомби пытается вылезти из могилы, но крышка тяжеловата. Он поскорее хотел уйти, сбежать отсюда! Но Игорь же, как всегда, всё усложняет, нарушает заранее условленные правила, и сейчас, вновь, они тормозили, рисковали не за что шкурами. Снова Игорь за что-то берётся, и снова сам всё бросает.

– Идём! Не до этого! – проскрежетал Дмитрий Петрович, а Игорю даже показалось, что тот, на мгновение, увеличился в размерах и вот-вот схватил бы его своими гигантскими ручищами.

Игорь поддался и пошёл за Дмитрием Петровичем.

Что-то щёлкнуло в этой худой проспиритованной груди. Ему казалось... Нет, он понял!

– Дима...

– Игорь, давай-давай, шевели! – лишь проговаривал Дмитрий Петрович.

Они вышли из длинного коридора картонного лабиринта и уже повернули, когда столкнулись у лифта с тем самым пухлым грузином, господином Барамом, и его охранником – здоровенным русским с лысой головой, словно бычьей, в кожаной куртке.

Лицо господина Барама сначала искажилось испугом, но уже через секунду налилось раскалённым гневом:

– Вы кто такие, мать вашу?!

Ни Дмитрий Петрович, ни Игорь не могли ответить хоть что-то вразумительное на этот вопрос. Они лишь встали, будто вкопанные в этот цемент ещё при первом президенте, и в паническом безумии пытались что-то ответить, елозили взглядом по фигурам бандитов.

Господину Бараму всё это уже чертовски надоело: сначала один идиот привёз траву без разрешения, затем какой-то мудофел что-то спалил наверху, теперь вот – два идиота, сбившие его с ног!

– Валера, разберись, – господин Барам поправил рубашку и добавил, – не знаю, кто вас заслал, но вам здесь не место.

Дуболом Валера достал пистолет, потрёпанный «макаров», и спросил безобидным детским голоском:

– Господин Барам, тела на то же место?

– Да, если есть ещё куда, – ответил тот, беспрестанно тыкая на кнопку первого этажа.

Дмитрий Петрович сразу понял, что уйти они может и смогут, да только явно не с завода. В первые мгновения, пока Валера обращался к хозяину, он паниковал, пытался что-то придумать, найти выход, может предложить сделку, даже забылся от страха, но после ему вдруг пришла мысль в голову: теперь он будет вместе с Лилей – даже как-то забылся Орден и весь его проклятый путь. Лишь Игорь почему-то не

принимал покорно свою судьбу:

– Подождите! Парень, прошу, – Игорь подался вперёд, видимо, думая взять его за руку; хотел молить о пощаде, – Подожди!

Гром выстрела оглушил Дмитрия Петровича, и Игорь зашатался, вдруг стал падать, прямо на охранника. Валера, думая, что Игорю мало и он решил напасть на него, дал второй выстрел, и из спины Игоря рванул залп ошмётков и крови, осыпая красными метками лицо Дмитрия Петровича.

– Игорь... – прошептал Дмитрий Петрович, вдруг очнувшись от своих мыслей и безмятежности, – Игорь!

Но Игорь уже пал, прямо на охранника, прижав того к полу своим хладеющим телом.

Валера сдавать не думал; скинул тело Игоря с себя, выбив из того тяжёлый, мучительный вздох.

– Игорь!

Холодная безумная ярость сама подсказала Дмитрию Петровичу ход, которого он не предпринял раньше: он вжал пальцы крепче в рукоять и взмахнул, врубив колун в спину ещё встающего охранника.

– Ох-гх! – вырывалось из груди упавшего на бетонный пол охранника, – Не...не... – пытался он тщетно выговорить просьбу не убивать.

Однако Дмитрий Петрович, ощутивший сумасшедший дьявольский прилив сил, и не думал о пощаде, как волк, вкусивший крови; он забыл об эмпатии и сострадании.

Колун упал вновь, разбивая в щепу кости, словно стекло. Он бил и бил. Мысли выветрились из головы, его занимал теперь самый увлекательный в мире спорт – убийство собрата. Он не слышал сирены, не слышал зова друга, лишь бил то лезвием, то обухом; рубил то по голове, то по спине, превращая человека в красное пюре.

Что-то схватилось за ногу Дмитрия Петровича, и он чуть не добил своего друга, Игоря.

– Дима... – испуганно прошептал Игорь.

– Игорь! – со вздохом вырвалось из горла Дмитрия Петровича. Он был будто бы удивлён его появлению. Ведь он был наедине с... с гневом и тем красным месивом под ногами, о которое теперь запросто можно вытереть ноги, если не жалко ботинок. И Игорю здесь не было места!

Но уже через секунду понял – он переступил не через охранника господина Барама.

Колун упал на пол, глухо брякнув, а Дмитрий Петрович упал на колени перед Игорем, который уже уходил.

– Игорь, – зывал Дмитрий Петрович, скомкано вываливая слова изо рта, – Игорь, прости...

Голубые глаза Игоря, которые Дмитрий Петрович лишь сейчас заметил, упорно вглядывались в лицо друга.

– Не тем мы занимались... – хрипло, слабо говорил Игорь.

– Игорь...

– Дима, – отвечал Игорь, как бы призывая к вниманию, спокойствию, – мы били и жгли холодильники!.. Пытаясь от-

срочить Апокалипсис!.. Когда!.. когда... – он вдруг закашлялся, выбивая с каждым всхрапом снопы красных искр.

Дмитрий Петрович больше и не думал прерывать умирающего у него на руках друга, который спас его однажды и не бросал по сей день. Он просто смотрел в его лицо, ждал слов. Ждал...

Кашель немного отпустил горло Игоря, и он продолжил: –...когда каждый день люди гибнут от наркотиков тысячами, – сказал Игорь и засмеялся, не скрывая насмешки.

– Дима...

Рука Игоря вдруг потянулась к лицу друга, но Дмитрия Петрович мягко перехватил и сжал её.

– Да, Игорь?

– Уходи и беги на Кубу, забудь о Лиле.

В груди Дмитрия Петровича кольнуло; прошибло в пот, а во рту стало сухо, даже слова не хотели срывать с пересохшего языка.

– Уходи... найди... – глаза так и тянулись к другу, но голова его всё сильнее клонилась, и вскоре безвольно лежала на предплечье друга.

Дмитрий Петрович поднялся и тут же ощутил едкий запах дыма, который был уже и на нулевом этаже. Вразвалку он дошёл до лифта и стал тыкать в кнопку вызова, но та не отвечала. С каждой секундой дышать становилось всё труднее, дым стелился плотной завесой у потолка.

Он повернулся, оглядывая коридоры стеллажей, и вспом-

нил, что видел въезд для грузовиков, когда разглядывал мафиози через щель. И тут же побежал вперёд по стрелочкам на полу, которые вдруг так удобно вели к разгрузочной площадке.

Он вырвался из коридора и попал на площадку, где ещё недавно стояла газель и десятки мешков всякой дряни – Григорий не обманул, он быстро свалил.

Проход был закрыт серебристыми подъёмными воротами, у верхушки которых также уже витал плотный дым. Дмитрий Петрович нажал кнопку на настенном блоке и ворота стали медленно подниматься, но он тут же прополз в образовавшуюся щель.

В лицо дунул свежий ночной воздух, которого он будто бы не вдыхал всю жизнь, с нотками влажной земли и осенних прелостей. Ветер наделил его свободой, и он, словно свалив с плеч своих всю тяжесть груза, легко двинулся к забору, к границе иного мира, в который он должен вступить новым человеком.

Завод выл и ревел под стать сиренам пожарных машин, неожиданно приехавших вовремя и не в единственном количестве, из окон рвалось пламя – языки дракона. А Дима бежал среди засохших кустов, и не думающих задержать его, бежал, летел подальше от серой старой громады, скидывая с себя мерзкий плащ.

Мысли Димы и не думали успокаиваться: он нёсся через лужи, редко хлопая своей здоровой ножищей, как безум-

ный, чтобы выпустить энергию, давящую на него все эти годы, чтобы найти в движении спокойствия, найти новый путь.

А где-то судья вновь задал вопрос и услышал честный долгожданный ответ – её имя, её образ.